

О. Г. Усенко

ОТНОШЕНИЕ К «НЕМЦАМ» В РОССИИ XVII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДВИЖЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА)

Ментальная оппозиция «свой – чужой» («мы – они») является не только стержнем этнического сознания, но и важнейшим регулятором человеческого поведения в ходе общественно-политических и культурных конфликтов. При этом конфликтная ситуация актуализирует установки и стереотипы, которые обычно находятся на периферии сознания, а то и в подсознании, поскольку они «маскируются», «прячутся» из-за давления на психику человека извне – со стороны идеологии, морали, требований политкорректности и пр.¹

Поэтому, если мы хотим знать, как в той или иной общности реально – не на словах, а на деле – относятся к «чужакам», нужно изучать выступления социального протеста – прежде всего те, что связаны с насилием или угрозой его применения, т. е. бунты и восстания.

В России XVII в. подобных выступлений было столько, что этот период получил название «бунташный век». Но это было и время всё более активной иммиграции в Московию иноземцев, значительную часть которых составляли так называемые «немцы».

Понятие «немцы» в массовом сознании русских людей того времени было неоднозначным, его точный смысл зависел от ситуации и контекста.

С одной стороны, это понятие имело религиозную окраску и применялось для обозначения неправославных.

В первую очередь под «немцами» разумелись *католики*. Об этом, например, свидетельствуют произведения одного из «расколоучителей» – протопопа Аввакума. Для него выражение «немецкая вера» было синонимично обороту «латинская (римская) вера»².

¹ См.: Лурье С. В. *Метаморфозы традиционного сознания*. СПб., 1994. С. 252–272; Садохин А. П. *Этнология*. М., 2004. С. 163–168, 256–258, 267–270.

² См.: Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 131–132, 216–217, 230, 251.

Однако в ряде случаев к «немцам» причисляли и *протестантов*. Так, в частности, поступал другой «расколоучитель» – Спиридон Потёмкин. Основанием для этого, на его взгляд, было сходство католической и протестантской систем образования: «...Един бо философ ариянин, а другой македонянин, а третий лютер, ин же калвин, а ин римлянин, и иных множество, но сии вси учатся в римских училищах, яже суть школы латынския, а за учение не дают ничесоже кроме душ своих»³.

Ко всему этому в категорию «немцев» могли зачисляться и *мусульмане*. В одной из русских исторических песен XVII в. эпитеты «по-турецкому» и «по-шведскому» употребляются как синонимы⁴.

Можно полагать, что основой такого взгляда на иноземцев было своеобразное представление о мироздании, которое отразилось в древнерусской агиографии и благодаря последней закреплялось в массовом сознании: «Житие ориентирует читателя в мировом разделении на два противостоящих лагеря: царство дьявола и царство бога. В этом последнем совмещены и имеющее быть царствие небесное для праведных, и дьявольская "в веке сем" сакральная держава... Такая держава... мыслится как "православный мир",

"бусурманы" за его пределами наделены всеми чертами мифологической inferнальности и явно связаны с бесовской силой»⁵.

Правда, по другой исторической песне (в которой С. Разин грабит корабли «латинские, армянские, басурманские») видно, что уподобление «латинян» и «басурман» друг другу не было постоянным⁶.

С другой стороны, у понятия «немцы» был этногеографический смысл, но и он варьировался.

Чаще всего имелись в виду выходцы из государств Центральной и Северной Европы, *говорящие на языках германской группы*, – немцы в современном смысле этого слова, а также шведы, датчане, голландцы, англичане и пр.⁷

Однако тот же протопоп Аввакум этнически идентифицировал «немцев» как «фрягов» (итальянцев)⁸. Это означает, что под «немцами» иногда могли разумеаться лишь носители романских языков.

³ Цит. по: *Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990. С. 206.

⁴ Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966. № 105. С. 114.

⁵ *Берман Б. И.* Читатель жития // *Художественный язык средневековья*. М., 1982. С. 175.

⁶ Исторические песни XVII века. № 156. С. 155.

⁷ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1986. Вып. 11. С. 169.

⁸ См.: *Житие Аввакума и другие его сочинения*. С. 208, 215, 253–254.

[с. 396]

Далее, понятием «немцы» могли охватываться *обе указанные группы* одновременно, т. е. фактически все европейцы за исключением греков, евреев, волохов, литовцев и славян.

Возьмём, к примеру, «немецких ратных людей кованую рать», которая весной 1609 г. пришла на помощь М. В. Скопину-Шуйскому под Новгород. В неё входили не только шведы и англичане, но также французы и шотландцы⁹. Стоит обратить внимание и на терминологию, присущую составленной в Поместном приказе в 1648 г. росписи крестьянских и бобыльских дворов, находившихся на поместных и вотчинных землях «иноземцов старого выезда – греков, сербов, валашан, поляков, литвы и немец»¹⁰.

Судя по всему, социальные низы (а именно из них в основном выходили участники бунтов и восстаний в России XVII в.¹¹) трактовали понятие «немцы» примерно одинаково – считали таковыми европейцев из числа католиков и протестантов за исключением поляков и литовцев.

Стоит обратить внимание на то, что после принятия «немцем» православия и уж тем более после установления брачных уз между ним и кем-то из местного населения он окончательно переходил в категорию «своих», и отныне к нему применялись те же критерии, что и к русским по происхождению. То, что по своей породе он был иноземцем, уже не играло негативной роли – даже во время социальных конфликтов.

Вот что пишет, например, П. Петрей, повествуя о событиях конца 1608–1609 гг. на севере России: «Города Кострома, Галич, Вологда тоже присягнули в верности Лжедмитрию и долго бы оставались верны присяге, если бы не подбил и не взбунтовал их один перекрещенец, по имени Даниил Эйлов¹², тамошний житель, имевший на откуп соляную торговлю. Он говорил им, что они не обязаны хранить присягу, потому что он доподлинно узнал, что этот вор и обманщик, выдающий себя за истинного Дмитрия, совсем не тот, что венчан на

⁹ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 249.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 137. Оп. 1. Ед. хр. 1а. Л. 53–116.

¹¹ Из движений Смутного времени рассматриваются лишь те, которые носили антиправительственный характер, т. е. не берутся выступления, связанные исключительно с борьбой против иноземных захватчиков или имевшие чисто разбойную природу.

¹² Д. Эйлов (Эйлоф) – сын голландского врача, служившего Ивану Грозному и после смерти последнего высланного из России (см.: О начале войн и смут в Московии: Исаак Масса. Пётр Петрей. М., 1997. С. 29, 527).

[с. 397]

царство в Москве, а другой; говорил также, что собрал в своих поместьях 200 человек с копьями и луками, чтобы заставить поляков поскорее убраться от них. Это длилось, однако ж, недолго: поляки проведали о том, навестили Эйлова, перебили 200 человек, а самого с детьми взяли в плен, и он должен был выкупать себя за 600 талеров»¹³.

Теперь пример несколько иного рода. Речь пойдёт об Иоахиме Шмидте – выходце из Германии, приехавшем в Россию во время Ливонской войны. Будучи сыном цирюльника, он со временем стал крупным купцом, женился на русской и обосновался в Ярославле. Именно после его активной агитации ярославцы в конце 1608 г. открыли ворота города и впустили отряд, посланный Лжедмитрием II. В награду последний назначил И. Шмидта вторым воеводой Ярославля. Правда, через полгода ярославцы вышли из подчинения Лжедмитрию II, так как убедились, что служат самозванцу – «Тушинскому вору». Во время этого восстания И. Шмидта в городе не было. Когда же по поручению тушинцев он приехал, чтобы уговорить ярославцев снова сдаться, те заманили его в город и предали мучительной казни¹⁴.

Из приведённых примеров следует, что повстанческая агрессия в отношении «немцев»-перекрещенцев если и бывала, то обуславливалась не тем, что они когда-то принадлежали к иной этноконфессиональной общности, а тем, что их поведение, с точки зрения повстанцев, было политически неверным и аморальным.

Но точно так же участники народных выступлений в России XVII в. относились и к «немцам», сохранявшим свою инаковость.

С одной стороны, можно вести речь о бытовой ксенофобии – имеется в виду уже упомянутое представление, что все неправославные – пособники дьявола. Это мнение внедрялось в массовое сознание посредством не только агиографии, но и довольно частых войн со странами Запада. Особенно сильно предубеждение против «немцев» укрепила польско-шведская интервенция начала XVII в., которую русские книжники восприняли как нашествие «слуг Антихриста»¹⁵.

После Смуты простолюдины подозрительно смотрели даже на тех «немцев», которые находились на государственной службе. Да и те в свою

¹³ О начале войн и смут в Московии... С. 343.

¹⁴ О начале войн и смут в Московии... С. 346, 526; *Генкин Л. Б.* Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939. С. 70, 113.

¹⁵ См.: *Берман Б. И.* Указ. соч. С. 174–175; *Харламов И. Н.* Идеализаторы раскола // *Дело.* 1881. № 9. Ч. 2. С. 8; *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 686–698, 782–783, 791–795; *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 247–248, 255–259, 310–322.

[с. 398]

очередь нередко подливали масла в огонь – многие из них занимали командирские должности в российских вооружённых силах и зачастую злоупотребляли своим положением, притесняя служилых людей и солдат¹⁶.

Впрочем, злоупотребляли властью не только «немцы». Уже этот факт, как можно полагать, мешал перейти от бытовой ксенофобии к явной агрессии против них. Судя по

всему, обычному человеку было весьма трудно преодолеть расстояние от подозрительности и даже от ненависти к «немцам» до готовности посягнуть на их имущество и жизнь.

Надо учитывать, что русские люди изучаемой эпохи были искренне верующими и вне военного конфликта, как правило, старались не нарушать заповеди «Не убий!». Конечно, эта заповедь могла не распространяться на «чужаков», но дело в том, что иноземцы, подолгу жившие в России, начинали постепенно становиться для местного населения «своими» – даже если сохраняли конфессиональную обособленность. И чем дольше они жили среди русских, тем больше выпадали из образа «чужака». Это наглядно выражалось в появлении русской прислуги у «немцев» несмотря на строгие запреты со стороны московского правительства. Взгляд на «немцев» мог меняться в лучшую сторону и под воздействием деяний официальной власти – в частности, того, что иностранных купцов приводили к присяге новому царю (царям), как это было, например, 27 мая 1682 г.¹⁷

Думается, что не случайно после 1612 г. в Москве не было массовых погромов иноземцев и/или попыток уничтожить Немецкую слободу – ни во время «Соляного бунта» 1648 г., ни во время «Чумного бунта» 1654 г., ни в ходе «Медного бунта» 1662 г., ни в период стрелецкого восстания 1682 г., ни даже в конце XVII в., когда массовое сознание было взбудоражено слухами, будто «немцы» испортили или даже подменили царя Петра¹⁸. Только в ходе стрелецкого восстания 1698 г. прозвучал призыв разорить Немецкую слободу, но до дела и тогда не дошло¹⁹.

Отношение к «немцам» в ходе различных выступлений протеста, а иногда и во время одного и того же движения бывало разным – они

¹⁶ См.: *Стрейс Я. Я.* Три путешествия. М., 1935. С. 208–209; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 12, ч. 2. Л. 33; *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 384.

¹⁷ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Ед. хр. 88.

¹⁸ См.: *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 96–100; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 12, ч. 1. Л. 14.

¹⁹ См.: *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 106–107; *Буганов В. И.* Указ. соч. С. 378–379, 382, 384, 387.

воспринимались восставшими то как враги, то как нейтральные лица, то как союзники – реальные или потенциальные.

Если говорить о повстанческой агрессии, направленной против «немцев», то она ничем не отличалась от насилия в отношении русских людей. При этом нужно различать, как минимум, две ситуации.

Одно дело, когда речь идёт о случайных, заранее не запланированных жертвах («немцы» могли пострадать, например, потому, что волею судеб оказались на поле боя, на пути атакующих повстанцев или же потому, что кто-либо из восставших вдруг захотел поживиться за их счёт). Совсем другое дело, когда повстанцы загодя выдвигают «антинемецкие» лозунги и творят насилие, так сказать, по плану. Лишь в такой ситуации проявляется реальный уровень массовой ксенофобии.

Так вот, в России XVII в. «плановая» повстанческая агрессия не выходила за рамки индивидуального террора. При этом она рождалась лишь тогда, когда в глазах восставших «немцы» представляли «изменниками».

«Измена», в её простонародном понимании, являла собой преступление против Бога и православной веры, а также против монарха – как носителя высшей власти и как человека. Комплекс представлений и установок, связанных с этим понятием, включал и готовность выступить с оружием в руках против «изменников», и убеждённость в том, что такое выступление носит богоугодный характер, а значит оно справедливо и законно.

«Изменники» не разделялись по этническому или религиозному признаку. Их градация

была иной: 1) главные преступники – лица, из-за которых, собственно, и вспыхивали восстания и фамилии которых фигурировали в «чёрных списках», распространявшихся в народе перед выступлением, 2) помощники, слуги и защитники первых, сознательно противостоящие повстанцам. Если главные «изменники» подлежали неминуемой казни, то прочие – в том числе иноземцы – могли избежать смерти²⁰.

Интересно, что после Смуты не было ни одного выступления протеста, участники которого, творя запланированное насилие против «немцев», причисляли бы их не к второстепенным, а к основным «изменникам».

²⁰ См.: *Усенко О. Г.* Повод в народных выступлениях XVII – первой половины XIX века в России // Вестник Московского университета: Серия 8: «История». 1992. № 1. С. 42–49; *Он же.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1995. Ч. 2. С. 9–12; *Перри М.* В чём состояла «измена» жертв народных восстаний XVII века? // Россия XV–XVIII столетий. Волгоград; СПб., 2001. С. 207–220.

[с. 400]

Псковичи и новгородцы во время восстаний 1650 г. видели главным «изменником» боярина Б. И. Морозова, который, согласно слухам, вошёл в сговор с «немцами» (шведами), собиравшимися якобы напасть на Россию, и поэтому приказал воеводам Пскова и Новгорода передавать бесплатно хлеб шведским представителям. Во Пскове горожане арестовали и подвергли пыткам «немчина» Л. Нумменса, шведского агента по поставкам зерна. «Денежную казну», которую он вёз из Москвы, конфисковали. Такой же агент был арестован и в Новгороде, однако помимо этого новгородцы схватили, предварительно избив, ещё и датского посланника И. Краббе. И всё же в ходе этих выступлений никто из «немцев» не погиб²¹.

Обратим внимание на то, что пострадавшие «немцы» имели статус дипломатических представителей. Получается, что для псковичей и новгородцев дипломатический статус их врагов был, по сути, фикцией. Логика восставших вполне ясна – не имеет смысла соблюдать то, что обязательно для представителей официальной власти, т. е. для главных «изменников».

При мятеже московских стрельцов 1682 г. погибли два переkreщенца – придворный врач Даниил фон Гаден (Фунгаданов) и его сын, а также «немец» Иоганн (Ян) Гутменш (Гутман), тоже придворный врач.

Изначально стрельцы желали смерти лишь Д. Гадену, польскому еврею, принявшему некогда лютеранство (по версии Л. Хьюз – ставшему иезуитом), а после поступления на царскую службу перешедшему в православие. Его обвиняли в том, что, согласно молве, он готовил «злое отравное зелье» для царской семьи по приказу других главнейших «изменников» – бояр А. С. Матвеева и А. К. Нарышкина²².

Поскольку восставшие Д. Гадена сразу не нашли, то они схватили его сына Михаила и стали требовать, чтобы тот сказал, где скрывается Даниил. Не получив ответа, стрельцы Михаила казнили. Аналогичным образом была решена судьба и приятеля Даниила – католика И. Гутменша. Мятежники его допрашивали с той же целью, что и Михаила, и точно так же, не узнав, где скрывается фон Гаден, казнили

²¹ *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 51, 53–54, 67–68, 146–147; *Буганов В. И.* Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986. С. 144.

²² В данном случае неважно, как возник этот слух и кто его распространял. Главное – то, что стрельцы ему поверили и именно поэтому решились на кровопролитие. (О роли слухов на стадии зарождения выступлений социального протеста см.: *Усенко О. Г.* Повод в народных выступлениях... С. 44, 46–49; *Он же.* Психология социального протеста... С. 10–13, 16, 21–28).

[с. 401]

свою жертву. Чуть было не лишился жизни и датский резидент в Москве Бутенант фон Розенбуш, заподозренный в укрывательстве Д. Гадена. Его спасло лишь заступничество князя И. А. Хованского, обладавшего большим авторитетом среди стрельцов²³.

Участники движения под предводительством С. Разина (1670–1671 гг.) «изменниками» считали только тех «немцев», которые воевали против них, т. е. офицеров и военных специалистов. Поскольку в данном случае врагами восставших были «изменники» низшего уровня, постольку ксенофобия разинцев была ограниченной и непостоянной.

Очевидец (голландец Л. Фабрициус) говорит, что разинцы верили, будто «убийством иноземца они заслужат награду Божью». С. Разин отдал приказ вешать всякого, кто будет просить восставших пощадить кого-то из их врагов, и эта норма относилась и к пленным «немцам». Однако сам же предводитель повстанцев иногда нарушал свой приказ²⁴.

Во-первых, Разин даровал жизнь тем военнопленным (в том числе «немцам»), которые вроде бы попадали под категорию «изменников», но о которых недавние их подчинённые или просто знакомые отзывались как о «добрых» людях.

Согласно Л. Фабрициусу, во время боя под Чёрным Яром, когда уже стало ясно, что победа на стороне восставших, «Стенька Разин сейчас же отдал приказ не убивать больше ни одного офицера, ибо среди них, верно, есть всё же и хорошие люди, таких следует пощадить. Напротив, тот, кто плохо обращался со своими солдатами, понесёт заслуженную кару по приговору атамана и созванного им круга». И действительно, после боя был созван круг, на котором те «немцы», о которых плохо отзывались некогда подчинённые им стрельцы и солдаты, были казнены. Сам же Л. Фабрициус был оставлен в живых²⁵.

Во-вторых, Разин оставлял жизнь даже явным врагам (включая «немцев», схваченных на поле боя), если они могли принести пользу восставшим.

²³ Восстание в Москве 1682 г. М., 1976. С. 34, 37, 40, 278; *Аристов Н. Я.* Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871. С. 74–76; *Белов Е. А.* Московские смуты в конце XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Ч. 249. Январь. Отд. «Критика и библиография». С. 129, 131; *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. С. 38, 151, 156, 167–169, 174, 188; *Богданов А. П.* Нарративные источники о Московском восстании 1682 года // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 90; *Хьюз Л.* Царевна Софья: 1657–1704. СПб., 2001. С. 95. См. также доклад С. Думшат в данном сборнике.

²⁴ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 52, 57–58.

²⁵ Там же. С. 50–51.

Например, будучи в Царицыне, он приказал утопить пленного черноморского воеводу и схваченных вместе с ним «немцев»-офицеров. И всё же один офицер был пощажён – «потому что де он умеет стрелять из пушек»²⁶.

В случае прощения бывшие враги повстанцев (не исключая «немцев») открыто включались в повстанческую организацию и даже внешне становились для восставших «своими» – подстригались и одевались по-казачьи²⁷.

Но тогда нужно говорить уже о случаях союза повстанцев с «немцами» – добровольного для последних или принудительного.

Примеры такого союза имеются в истории не только разинского восстания. Можно обратиться к биографии Лоренца Бюгге (Лауренса Буйка) – шведского офицера, пленённого русскими во время войны за Ливонию при Иване Грозном. В начале XVII в. его фамилию произносили уже как «Биюков». В 1604 г. Л. Бюгге в чине капитана воевал против Лжедмитрия I, но затем, видимо, перешёл на его сторону. Когда же самозванец погиб, Бюгге

поддержал его преемника – Лжедмитрия II, по воле которого в конце 1608 г. был назначен управителем Ярославля, только что перешедшего под власть самозванца. Это назначение не вызвало никакого ропота. И это несмотря на то, что Л. Бюгге пришёл в Ярославль с тысячей конных воинов, и горожанам пришлось «долгое время» снабжать «их с лошадьми пищею и питьём, сеном, овсом и всем нужным»²⁸.

Ещё раньше, в 1606–1607 гг., среди участников движения под предводительством И. И. Болотникова оказались «немцы и ливонцы», служившие ранее царю В. И. Шуйскому. Причём, как сообщает Исаак Масса, Болотников и его окружение тех «немцев, которые были доблестные смельчаки, поставили ротмистрами и капитанами, также правителями завоёванных городов, так что они из низкого звания высоко поднялись, из солдат стали наполовину королями»²⁹.

Таким образом, если «немец» вёл себя, с точки зрения повстанцев, правильно, то его не только не трогали, но и нередко были готовы ему подчиняться.

Наконец, история народных выступлений в России XVII в. знает и примеры нейтрального отношения к «немцам».

В июле 1648 г. участники «Соляного бунта», заполонившие Кремль, вели себя так, чтобы не вызвать страха или гнева у офицеров-

²⁶ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1954. Т. 1. С. 210.

²⁷ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 51, 56–57.

²⁸ О начале войн и смут в Московии... С. 290, 343, 480; *Генкин Л. Б.* Указ. соч. С. 70–71.

²⁹ О начале войн и смут в Московии... С. 131.

[с. 403]

«немцев», пришедших охранять царя. Горожане говорили им: «Вы честные немцы, не делаете нам зла, мы ваши друзья и во веки не намерены совершить вам что-либо злое»³⁰.

Аналогичный настрой, судя по всему, был присущ москвичам и в 1662 г. Участники «Медного бунта» – и те, что пришли в село Коломенское бить челом царю, и те, что грабили столичные дворы «изменников», – не говорили и не предпринимали ничего, что было бы направлено против «немцев».

Так, бунтовщики, окружившие коломенский дворец, поначалу не выказывали враждебности к Патрику Гордону, посланному к царю полковником Д. Краффортом (Кравфуирдом) для получения инструкций. Однако они не пропускали «немца» во дворец, и лишь увидев, что он всё же силится пройти, попытались его схватить. Офицер, как сообщает источник, «с трудом избежал их рук».

Столкновения между восставшими и «немцами» начались лишь при подавлении бунта, но и то потому, что в наведении порядка участвовали «полки иноземного строя», командный состав которых был в основном «немецким»³¹.

Наконец, и в 1682 г. целый ряд «немцев» пережили очередное московское восстание как бы в стороне, без особых потерь. Это, например, нидерландский резидент Иоганн Вильгельм фон Келлер, датский посол Гильдебрандт фон Горн³², а также офицеры, недавно приехавшие в Россию, дабы поступить на военную службу, – Яков фан Голстен, Тимофей фан Дервинт (Дердвидин), Яков Ронорт и Даниил Цей³³.

Итак, можно заключить, что отношение русских людей к «немцам» в ходе восстаний и бунтов, несмотря на его внешнюю противоречивость, было внутренне логичным. Во-первых, к иноземцам подходили с теми же мерками, что и к соотечественникам. Во-вторых, поведение повстанцев было обусловлено их пониманием «блага». Проблема заключалась лишь в том, что представления о «благости» различались в разных слоях и группах, а также могли варьироваться в рамках одной и той же общности.

Исходя из всего изложенного позволительно сказать, что отношение к «немцам» в России XVII в. по меркам той эпохи было в целом толерантным.

³⁰ Городские восстания в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1936. С. 69.

³¹ Буганов В. И. Московское восстание 1662 г. М., 1964. С. 58, 70, 84.

³² См.: Богданов А. П. Указ. соч. С. 92–93.

³³ См.: Восстание в Москве 1682 г. С. 74, 154.